

Диана Винджанс

ЖИВОТНАЯ
ЖИЗНЬ

Миры Крестоманси

Миры Крестоманси

Диана Джонс

Заколдованная жизнь

«Азбука-Аттикус»

1977

Джонс Д. У.

Заколдованная жизнь / Д. У. Джонс — «Азбука-Аттикус»,
1977 — (Миры Крестоманси)

ISBN 978-5-389-06528-4

Английская писательница Диана Уинн Джонс считается последней великой сказочницей. Миры ее книг настолько ярки, что так и просятся на экран. По ее бестселлеру «Ходячий замок» знаменитый мультипликатор Хаяо Миядзаки, обладатель «Золотого льва» – высшей награды Венецианского кинофестиваля, снял одноименный анимационный фильм, завоевавший популярность во многих странах. Брат и сестра Мур и Гвендолен после гибели родителей поступают на воспитание к своему дальнему родственнику – великому волшебнику Крестоманси, надзирающему за применением магии во всей Вселенной. Поначалу Мур очень радуется за свою сестру, одаренную ведьму, которой прочат блистательное будущее в мире магии, но сам Крестоманси совсем иного мнения о талантах Гвендолен. Тихий, застенчивый Мур, привыкший боготворить старшую сестру, оказывается в самом центре событий – страшных и невероятных, печальных и смешных...

ISBN 978-5-389-06528-4

© Джонс Д. У., 1977
© Азбука-Аттикус, 1977

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвертая	27
Глава пятая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Диана Уинн Джонс

Заколдованная жизнь

CHARMED LIFE
by Diana Wynne Jones

Text copyright © Diana Wynne Jones 1977
This edition published by arrangement with Laura Cecil and The Van Lear Agency
All rights reserved

© А. Шульгат, перевод, 2013
© И. Баранов, иллюстрации, 2013
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается Клэр, Николасу, Франсез

Глава первая

Мур Чант восхищался своей старшей сестрой Гвендолен. Она была ведьмой. Он восхищался ею и крепко за нее держался, особенно после того, как в их жизни произошли важные перемены и ему стало не за кого больше держаться.

Первая важная перемена произошла, когда родители взяли Мура и Гвендолен прокатиться на колесном пароходике по реке. В дорогу семейство отправилось при полном параде: Гвендолен и мама – в белых платьях с лентами, Мур и папа – в воскресных костюмах из колючей темно-синей саржи. День выдался жаркий. Пароходик был битком набит празднично одетыми людьми. Пассажиры болтали, смеялись и лакомились мидиями, заедая их тонкими ломтиками белого хлеба с маслом. Паровой органчик, сопя и хрипя, наяривал популярные мелодии, и никто никого не слышал.

Пароходик, что и говорить, был слишком стар и сильно перегружен. Что-то неладное случилось с рулевым управлением, и пароходик понесло течением к дамбе. Они налетели на столбы ограждения, и суденышко просто-напросто развалилось на части. Вся эта веселая, жующая сэндвичи толпа за несколько мгновений оказалась в воде. Муру запомнились лопасти, режущие синеву небес, и клубы пара, со свистом вырывающиеся из сломанных труб органчика. Этот шум заглушал крики пассажиров, падающих с палубы в реку.

Ужасная история – в газетах ее назвали «катастрофой „Милашки Молли“». Дамам мешали плыть прилипшие к телу длинные юбки. Мужчинам в их тесной сарже приходилось не легче. Но Гвендолен была ведьмой, она не могла утонуть. А Мур, обхвативший ее обеими руками, спасся вместе с ней. В живых осталось всего несколько человек.

Трагедия потрясла всю страну. Пароходство и власти Вулверкота взяли на себя похоронные расходы. Гвендолен и Муру за казенный счет было сшито тяжелое черное траурное платье. Они ехали в конце похоронной процессии в экипаже, запряженном черными лошадьми с черным плюмажем на лбу. С ними были и остальные уцелевшие пассажиры. Мур всю дорогу

разглядывал их, пытаясь угадать, не колдуны ли они, не волшебники ли, но так этого и не выяснил. Мэр Вулверкота учредил фонд для выживших в кораблекрушении. Пожертвования стекались со всей страны. Уцелевшие пассажиры получили свою долю и разъехались кто куда – начинать новую жизнь. Только Муру и Гвендолен ехать было некуда – никаких родственников у них не обнаружилось, и они остались в Вулверкоте.

На некоторое время они стали знаменитостями. Все были к ним очень добры и без конца повторяли, какие они прелестные маленькие сиротки, что было сущей правдой. Оба светловолосые, бледные и голубоглазые, обоим шел черный цвет. Гвендолен – очень хорошенькая и высокая для своих лет. Мур, напротив, для своего возраста был низковат. Гвендолен пеклась о брате почти по-матерински, и это всех очень трогало и умиляло.

Мур не возражал. Без этого участия он чувствовал бы себя совсем осиротевшим и потерянным. Дамы угощали его сладостями и дарили игрушки. Члены городского совета заботливо спрашивали, как он поживает. Сам мэр заходил погладить его по головке. Мэр, кстати, объяснил, что опекунский совет положил деньги фонда на счет – до совершеннолетия Мура и Гвендолен. Пока же их образование и воспитание будет оплачивать город.

– А где вы, дружочки, хотели бы жить? – ласково осведомился мэр.

Гвендолен сразу сказала, что миссис Шарп, соседка снизу, предложила взять их к себе.

– Она всегда была добра к нам, – объяснила Гвендолен. – Мы бы хотели жить у нее.

Миссис Шарп и вправду относилась к ним очень тепло. Она тоже была ведьмой (в ее гостиную висел аттестат с надписью: «Дипломированная ведьма») и проявляла к Гвендолен живой интерес. Мэр колебался. Подобно всем, кто не умеет колдовать, он не одобрял людей с магическим даром. Он спросил Мура, хочет ли тот переехать к миссис Шарп. Мур не возражал. Он предпочитал жить в доме, к которому привык, даже если для этого придется переселиться на нижний этаж. Поскольку мэр считал, что нужно приложить все усилия, чтобы двум сироткам жилось как можно лучше, он дал согласие. Так Гвендолен и Мур поселились у миссис Шарп.

Пожалуй, именно в тот момент Мур окончательно убедился, что Гвендолен – ведьма. Прежде он не был до конца в этом уверен. Когда он спрашивал родителей, они качали головами, вздыхали и обменивались горестными взглядами. Мур вспоминал, какой поднялся переполох, когда из-за сестры с ним случились судороги. Ведь родители не стали бы обвинять Гвендолен, не будь она в самом деле ведьмой. Но теперь все изменилось – миссис Шарп не делала из этого никакого секрета.

– У тебя настоящий талант к волшебству, милочка, – говорила она, глядя на Гвендолен сияющим взглядом, – и я не я буду, если допущу, чтобы он пропал. Нужно немедленно найти тебе учителя. Для начала подойдет и наш сосед, мистер Нострум. Некромант он, пожалуй, неважнецкий, а вот учитель неплохой. Он обучит тебя азам, душенька.

Мистер Нострум брал фунт в час за обучение основным предметам и гинею в час за углубленный курс. По мнению миссис Шарп, это было отнюдь не дешево. Она надела лучшую свою шляпку с черным стеклярусом и поспешила в городской совет, чтобы выяснить, согласится ли фонд оплачивать занятия Гвендолен.

К ее досаде, мэр ответил отказом. Он объяснил миссис Шарп, что колдовство не входит в обязательную программу. Миссис Шарп вернулась, раздраженно позвякивая бусинами на шляпке. В руках она держала полученную от мэра плоскую картонную коробку, полную всяческих мелочей, которые сердобольные дамы нашли в спальне родителей Гвендолен.

– Нелепые предрассудки! – возмутилась миссис Шарп, швыряя коробку на кухонный стол. – Если у человека есть талант, то должно быть и право его развить – так я и заявила мэру! Но не волнуйся, милочка, – поспешила она утешить явно разгневанную Гвендолен, – выход всегда можно найти. Мистер Нострум и даром с тобой позанимается, если мы придумаем,

чем его завлечь. Давай-ка пошарим в этой коробке. Может, твои бедные мамочка и папочка оставили именно то, что нам нужно.

Сказано – сделано, и миссис Шарп вывалила содержимое коробки на стол. Это было странное собрание предметов: письма, кружева, какие-то сувениры. Мур и половины из них раньше не видел. Было здесь брачное свидетельство, гласившее, что двенадцать лет назад Фрэнсис Джон Чант обвенчался с Кэролайн Мэри Чант в церкви Святой Маргариты в Вулверкоте, и засохший букетик, который, должно быть, держала в руках невеста. А под всем этим Мур обнаружил сверкающие сережки, каких он никогда у мамы не видел.

Звякнув стеклярусом на шляпке, миссис Шарп быстро нагнулась к сережкам.

– Да это бриллианты! – сказала она. – У твоей мамочки наверняка водились деньжата! Так, если я отнесу серьги мистеру Ноструму... Впрочем, нет, мистер Ларкинс даст за них больше.

Мистер Ларкинс держал на углу что-то вроде лавки старьевщика. Правда, не все его товары были старьем. Среди медных каминных решеток и шербатой посуды можно было найти и весьма ценные вещи, и то, что мистер Ларкинс скромно звал «экзотический ассортимент», то есть сушеных тритонов, крылья летучих мышей и прочие мелочи, без которых волшебнику не обойтись. Несомненно, мистер Ларкинс не останется равнодушен к паре серег с бриллиантами. Жадно сверкнув черными, как бусины на шляпе, глазами, миссис Шарп протянула руку, чтобы схватить драгоценности.

Но не тут-то было! В тот же миг к сережкам потянулась Гвендолен. Она ничего не сказала. Молчала и миссис Шарп. Обе руки замерли в воздухе. Возникло ощущение жестокой невидимой борьбы. Наконец миссис Шарп убрала свою руку.

– Благодарю, – холодно произнесла Гвендолен, пряча серьги в карман своего черного платья.

– А я о чем говорила? – поспешила сгладить неловкость миссис Шарп. – У тебя, милочка, настоящий талант!

Она продолжила разбирать вещи из коробки. Отбросив в сторону курительную трубку, ленты, веточку белого вереска, меню, билеты на концерт, она обнаружила связку старых писем и отогнула большим пальцем края стопки.

– Любовные письма, – сообщила миссис Шарп. – От него к ней.

Она, не глядя, кинула пачку обратно и подхватила другую.

– От нее к нему. Никакого проку. Наблюдая, как пухлый большой палец миссис Шарп ворошит третью связку писем, Мур решил, что колдовство экономит кучу времени.

– Деловые письма, – определила миссис Шарп.

Ее большой палец на мгновение замер и стал медленно исследовать стопку заново.

– А что у нас тут? – заинтересовалась миссис Шарп.

Развязав розовую ленту, она аккуратно вытащила и развернула три письма.

– Крестоманси! – вскрикнула миссис Шарп и тут же прикрыла рот рукой, бормоча себе что-то под нос.

Лицо у нее покраснело. Мур заметил, что ее охватили смешанные чувства: удивление, страх и жадность одновременно.

– Так, и что же он писал вашему папочке? – спросила она, приходя в себя.

– Давайте посмотрим, – ответила Гвендолен.

Миссис Шарп разложила письма на кухонном столе, и Гвендолен с Муром склонились над ними. Мура прежде всего поразила энергичная подпись в конце всех трех писем:

Он обратил внимание на то, что два письма написаны тем же энергичным почерком, что и подпись. Первое письмо было получено двенадцать лет назад, вскоре после свадьбы родителей. В нем говорилось:

Дорогой Фрэнк!

Прошу, не лезь в бутылку. Я предложил тебе это, так как хотел помочь. Я и теперь готов всячески тебе помогать, если ты сообщишь, что от меня требуется. Можешь на меня рассчитывать.

Неизм. твой Крестоманси

Второе письмо было короче:

Дорогой Чант!

И тебе того же. Пропави ты пропадом.

Крестоманси

Третье письмо, шестилетней давности, написал кто-то другой. Крестоманси лишь поставил подпись.

Сэр!

Шесть лет назад Вас предупреждали: может произойти нечто подобное тому, о чем Вы сообщаете, но Вы четко дали понять, что не нуждаетесь в нашей помощи. Таким образом, Ваши проблемы нас не касаются. К тому же мы не благотворительная организация.

Крестоманси

– Что же такое ваш папочка мог ему написать? – спросила миссис Шарп, трепеща от любопытства и благоговения. – Ну... что ты думаешь на этот счет, милочка?

Гвендолен простерла руки над письмами и подержала их, как над огнем. Она пошевелила мизинцами обеих рук.

– Я не знаю. Кажется, это важные письма, особенно первое и последнее, – ужасно важные!

– А кто этот Крестоманси? – спросил Мур. Имя было труднопроизносимое, и он повторил его по слогам, стараясь подражать миссис Шарп: – Крес-то-ман-си. Правильно?

– Да, правильно... и не бери в голову, кто он, – затараторила миссис Шарп. – «Важные» – это не то слово, дорогие мои. Эх, знать бы, что сообщил ему ваш папочка! Уж наверное, такое, что не всякий осмелится сказать, судя по всему. А взамен он получил три настоящие подписи! Да мистер Нострум за них оба глаза отдаст, милые вы мои! Как вам повезло! Он вас за это всему обучит, будьте покойны, – и ни один некромант во всей Англии вам не откажет! – Ликуя, миссис Шарп принялась складывать вещи обратно в коробку. – А это еще что такое?

Из связки деловых писем выпала маленькая красная книжечка. Это были спички. Миссис Шарп бережно подняла ее и так же бережно открыла. Книжечка оказалась неполной, и спички в ней были хлипкие – картонные. И вот странность: кто-то сжег три спички, даже не вырвав их

из книжечки, причем по тому, как сильно обгорела одна из них, можно было предположить, что две другие от нее и загорелись.

– Гм, – пробормотала миссис Шарп, протягивая спички Гвендолен, – думаю, тебе надо это сохранить, милочка.

Гвендолен положила книжечку в карман платья – туда, где уже лежали сережки.

– А ты, дорогуша, возьми на память вот это, – обратилась миссис Шарп к Муру, вспомнив, что и он вправе рассчитывать на свою долю.

Ему досталась веточка белого вереска. Он вддел ее в петлицу и носил, пока она окончательно не рассыпалась.

Живя у миссис Шарп, Гвендолен расцвела. Волосы у нее заблестели ярче золота, глаза стали небесно-голубыми, а в манерах появились обходительность и уверенность. Возможно, Мур намеренно держался скромнее, оттеняя обаяние сестры, – а может, и нет. Он и сам не знал. Не то чтобы он чувствовал себя несчастным – миссис Шарп относилась к нему ничуть не хуже, чем к Гвендолен. Члены городского совета заходили по нескольку раз в неделю и гладили по голове. Благодаря их заботам Мур и Гвендолен были определены в лучшую школу Вулверкота.

Учиться Муру нравилось. Единственная трудность была в том, что Мур – левша, и учителя наказывали его всякий раз, когда он писал левой рукой. Впрочем, так поступали во всех школах, где Мур учился прежде, и он к этому привык. Зато у него появилось много друзей. Но все же Мур чувствовал себя одиноким и потерянным. Поэтому он держался за сестру, ведь больше родных у него не было. А вечно занятая Гвендолен вела себя с братом нетерпеливо и раздраженно. Крикнув: «Отстань, Мур, не до тебя!» – и сложив тетради в папку для нот, она убегала на урок к их соседу, мистеру Ноструму.

Тот с радостью согласился обучать Гвендолен в обмен на письма. Миссис Шарп приносила ему письма по одному, начиная с последнего.

– Все сразу нельзя, а не то у него глаза разгорятся, – объясняла она детям. – Оставим самое лучшее под конец.

Училась Гвендолен блестяще. Она оказалась столь многообещающей колдуньей, что сдала экзамен по волшебству второго уровня, перескочив через первый. Вскоре после Рождества ей удалось сдать экзамены сразу третьего и четвертого уровней, и в начале лета она перешла к изучению углубленного курса магии. Мистер Нострум считал Гвендолен своей любимой ученицей (так, во всяком случае, он говорил миссис Шарп), а она после его уроков выглядела счастливой, довольной и сияющей. Дважды в неделю, по вечерам, Гвендолен с тетрадями по волшебству под мышкой отправлялась на уроки колдовства так же, как ее сверстницы ходят на уроки музыки. Кстати, отчитываясь перед городским советом о потраченных средствах, миссис Шарп сообщила, что Гвендолен занимается музыкой. Поскольку мистер Нострум ничего не получал в уплату, кроме писем, Мур счел этот поступок миссис Шарп бесчестным.

– Ну должна же я хоть что-то отложить на старость! – ворчала на мальчика миссис Шарп. – Я ведь, кажется, никаких доходов от вас не имею. А надежды на то, что твоя сестра вспомнит обо мне, когда вырастет и прославится, у меня тоже нет. Да уж, тут у меня нет никаких иллюзий!

«Может, миссис Шарп и права», – думал Мур. Он немного жалел ее, ведь она и вправду хорошо к нему относилась; к тому же он понимал, что ведьма она посредственная. Звание дипломированной ведьмы, которым, судя по аттестату в гостиной, обладала миссис Шарп, означало в магии самую низшую ступень. Люди пользовались колдовскими услугами миссис Шарп лишь в том случае, если не могли позволить себе визит к какой-нибудь из трех ведьм высшей категории, обитавших по соседству. По этому миссис Шарп сводила концы с концами в основном благодаря мистеру Ларкинсу. Она поставляла для его лавки «экзотический ассортимент», то есть заморские диковины, необходимые для магических ритуалов, причем добывала их аж в самом Лондоне. Миссис Шарп очень гордилась своими лондонскими связями.

– О да, – то и дело хвасталась она Гвендолен, – уж чего-чего, а связей у меня хватает. Стоит мне только попросить, и мне достанут фунт драконьей крови, хотя это и противозаконно. Так что пока ты со мной, нужда тебе не грозит.

Хотя миссис Шарп не слишком рассчитывала на благодарность Гвендолен, она все же надеялась управлять ее делами, когда та вырастет. Во всяком случае, так казалось Муру. И ему становилось жаль миссис Шарп, поскольку он был уверен, что, когда Гвендолен прославится, она выбросит свою благодетельницу, как старое платье. И Мур говорил миссис Шарп: «Я позабочусь о вас». Он немножко кривил душой, однако чувствовал, что должен это сказать.

Миссис Шарп была тронута и договорилась о настоящих уроках музыки для Мура.

– Теперь этот мэр уже не сможет ко мне придраться, – радовалась она, надеясь убить одним выстрелом двух зайцев.

Мур начал осваивать игру на скрипке – как ему казалось, небезуспешно. Он прилежно занимался, но не мог понять, почему соседи сверху всегда стучат в пол, стоит ему взяться за инструмент. Зато миссис Шарп, которой медведь на ухо наступил, кивала и улыбалась, слушая гаммы и этюды своего воспитанника, и всячески поощряла его к дальнейшим занятиям.

Однажды вечером Мур мирно музицировал, как вдруг ворвалась Гвендолен и выкрикнула ему в лицо заклинание. В тот же миг Мур с ужасом обнаружил, что его скрипка превратилась в большую полосатую кошку. Он держал ее за хвост, кошачья голова уткнулась ему в подбородок, а смычком он водил по кошачьей спине. Мур сразу отпустил кошку, но она все-таки успела укусить его за подбородок и больно поцарапать.

– Почему ты это сделала? – опешил Мур. Кошка пристально смотрела на него, выгнув спину дугой.

– Да потому, что скрипка твоя визжит, как драная кошка! – крикнула Гвендолен. – Хватит с меня! Кис-кис-кис!

Впрочем, Гвендолен кошке тоже не понравилась. Царапнув протянутую руку и получив в ответ шлепок, кошка с мяуканьем бросилась вон из комнаты. Мур кинулся вдогонку, вопя: «Стой! Ты же моя скрипка! Стой!» – но ей удалось улизнуть. На этом занятия музыкой закончились.

Такое проявление таланта Гвендолен произвело большое впечатление на миссис Шарп. Она даже забралась на стул во дворе, чтобы через забор рассказать мистеру Ноструму об успехах его ученицы. Вскоре историю со скрипкой узнали все ведьмы и чародеи в округе.

А колдунов в этих местах было пруд пруди. Представители одного ремесла вообще любят селиться по соседству. Если Мур, выйдя из дому, сворачивал направо по улице Шабаша, то на пути ему встречались следующие вывески: «Ведьма высшей категории» (три раза), «Черная магия для вас» (два раза), «Гадалка», «Прорицатель» и «Усердный Маг». А если он сворачивал налево, то шел мимо «Уроков колдовства» мистера Нострума, «Предсказаний судьбы», «Волшебства на все случаи жизни», «Ясновидящей» и, наконец, магазина мистера Ларкинса. Воздух на этой и нескольких соседних улицах был прямо-таки пропитан магией.

Соседи отнеслись к Гвендолен с живым и дружеским интересом. История со скрипкой пользовалась у них огромным успехом. Кошка стала всеобщей любимицей, а называли ее, конечно же, Скрипкой. И хотя она по-прежнему вела себя капризно и недружелюбно, недостатка в еде не испытывала. А уж Гвендолен все просто обожали. Мистер Ларкинс дарил ей подарки. Усердный Маг, мускулистый, вечно небритый молодой человек, увидев Гвендолен в окно, выбегал из дому, чтобы угостить ее леденцами. Ведьмы всех мастей то и дело выискивали для нее простые заклинания.

У Гвендолен их потуги вызывали глубокое презрение.

– Я им что, дитя малое, что ли? Да я сто лет назад все это проходила! – фыркала она, отбрасывая листок с очередным заклинанием, так старательно добытым добросердечными колдуньями.

Миссис Шарп, бережливо относившаяся ко всему колдовскому, обычно аккуратно складывала заклинания и прятала их в потайном месте. Но пару раз она забыла это сделать, и они попались на глаза Муру. Искушение испробовать их было слишком велико, ведь ему так хотелось хоть чуточку волшебных способностей сестры. Он всегда считал, что у него позднее развитие, а значит, в один прекрасный день произнесенное им заклинание сработает. Увы, этого не произошло: Муру не удалось даже превратить медные пуговицы в золотые, чего ему страшно хотелось.

Предсказатели судьбы тоже дарили Гвендолен подарки. От Прорицателя она получила старинный хрустальный шар, а от Гадалки – колоду карт. Предсказатель будущего предсказал ей... будущее. Гвендолен вернулась от него сияющая и возбужденная.

– Я буду знаменитой! Он сказал, я буду править миром, если выберу верный путь! – крикнула она брату с порога.

Хотя Мур не сомневался, что Гвендолен прославится, он не очень-то понимал, как ей удастся править миром.

– Даже если бы ты вышла замуж за короля, ты могла бы властвовать только в одной стране, – возразил он сестре. – В любом случае ты опоздала: принц Уэльский женился в прошлом году.

– Дурачок, полно других способов! – парировала Гвендолен. – Для начала кое-какие идеи есть у мистера Нострума. Конечно, мой путь не будет усыпан розами. Мне придется пережить тяжелую полосу и встретиться с могущественным Темным Незнакомцем. Но когда он сказал, что я буду править, мои пальцы задрожали и я почувствовала: это правда!

Гвендолен была безгранично уверена в себе. На следующий день пришел черед Мура узнать свою судьбу: Ясновидящая (мисс Ларкинс) пригласила его к себе домой.

Глава вторая

Приглашение мисс Ларкинс встревожило Мура. Ясновидящая приходилась дочерью мистеру Ларкинсу, хозяину лавки. Юная, хорошенькая мисс Ларкинс была жгуче-рыжей. Волосы она носила собранными в узел на затылке, но отдельные огненные завитки выбивались из прически и очаровательно переплетались с сережками, напоминая кольца для попугаев. Она слыла весьма одаренной ясновидящей и была всеобщей любимицей, пока, после проделки со скрипкой, ее место не заняла Гвендолен. Мур вспомнил, что еще его мама дарила мисс Ларкинс подарки, и сообразил: она предлагает предсказать его судьбу из зависти к успехам Гвендолен.

– Нет. Большое спасибо, но мне это не нужно, – произнес Мур, пятясь от столика мисс Ларкинс, заваленного всякой всячиной, какую обычно используют гадалки. – У меня и так все в порядке, и я не хочу ничего знать.

Мисс Ларкинс придвинулась к нему и взяла его за плечи. Мур вздрогнул. От нее исходил дурманящий аромат фиалок, ее серьги позвякивали, как наручники, а корсет зловеще поскрипывал.

– Глупый мальчишка! – зазвучал глубокий переливчатый голос девушки. – Я не причиню тебе вреда. Я просто хочу знать.

– Но... но я не хочу, – пробормотал Мур, изо всех сил пытаясь вырваться от нее.

– Не дергайся, – прошептала мисс Ларкинс, стараясь поглубже заглянуть в глаза Муру.

Мур поспешно зажмурился и начал что есть мочи выкручиваться из цепких объятий мисс Ларкинс. Он почти вырвался, но тут она погрузилась в какой-то транс. Мур почувствовал, что она держит его с силой, какую трудно было бы ожидать даже от Усердного Мага. Открыв глаза, Мур удивился еще больше: мисс Ларкинс смотрела пустыми глазами, ее тело раскачивалось взад-вперед, а корсет скрипел, будто старые двери на сквозняке.

– Ну пожалуйста, отпустите! – взмолился Мур.

Но мисс Ларкинс едва ли его слышала. Он вцепился в пальцы, сжимающие его плечи, и попытался разжать их. Однако эти пальцы будто приросли к нему. Только и оставалось, что беспомощно смотреть в ее безучастные глаза.

Мисс Ларкинс открыла рот, и раздался голос совершенно другого человека – мужской голос, живой и участливый.

– У меня просто камень с души свалился, парень, – услышал Мур. Голос звучал удовлетворенно. – Тебя ждут большие перемены. Но ты вел себя слишком безрассудно: четыре уже истрачены и осталось пять. Будь осторожен. Ты хоть знаешь, что тебе грозит опасность по крайней мере с двух сторон?

Голос смолк. Между тем Мур от испуга не смел пошевелиться. Ему пришлось ждать, пока мисс Ларкинс придет в себя. А когда это наконец случилось, она зевнула и сняла руку с его плеча, чтобы изящно прикрыть рот ладошкой.

– Ну вот и все, – произнесла она обычным голосом. – Так что я говорила?

Когда Мур понял, что мисс Ларкинс понятия не имеет о сказанном ею самой минуту назад, по спине у него побежали мурашки. Ему захотелось только одного – удрать отсюда. Он ринулся к двери.

Но мисс Ларкинс бросилась за ним, снова схватила его за плечи и хорошенько встряхнула.

– Что я сказала? Отвечай! Да отвечай же! Она трясла его так сильно, что ее прическа растрепалась и рыжие волосы повисли спутанными прядями. Ее корсет скрипел, как тюремные нары. Мисс Ларкинс была ужасна.

– Каким голосом я говорила? – требовательно спросила она.

– Му... мужским, – запинаясь, ответил Мур. – Очень приятным и... серьезным.

Этот ответ, похоже, ошарашил девушку.

– Мужским? Не Бобби или Доддо... то есть я хочу сказать, не детским голосом?

– Нет, – пролепетал Мур.

– Как странно! Я никогда не говорю мужским голосом. И что же ты услышал?

Мур повторил услышанное. Ему казалось, он бы и в девяносто лет не забыл об этом. Он утешался лишь тем, что мисс Ларкинс озадачена не меньше его.

– Пожалуй, это было предупреждение, – неуверенно произнесла она, явно разочарованная. – И больше ничего? Ни слова о твоей сестре?

– Ни слова, – подтвердил Мур.

– Ну что ж, тут ничего не напишешь, – с досадой проговорила мисс Ларкинс и снова отпустила мальчика, на сей раз чтобы поправить волосы.

Убедившись, что девушка всецело занята своей прической, Мур пустился в бегство. Вне себя от испуга и волнения, он пулей вылетел из дома мисс Ларкинс.

И почти тут же – из огня да в полымя – угодил в лапы к двум другим волшебникам.

– А вот и юный Эрик Чант! – воскликнул мистер Нострум, приближаясь к нему по тротуару. – Скажи-ка, мой юный друг, знаком ли ты с моим братом Уильямом?

Мур снова оказался в неволе (правда, на сей раз его просто взяли за локоть). Он попытался улыбнуться. Не то чтобы ему не нравился мистер Нострум – скорее, его смущал шуточный тон, избранный колдуном для обращения к нему. Тот через каждое слово называл Мура «юным Чантом», и мальчик не знал, как на это ответить. Мистер Нострум был низкорослым и пухлым и уже начал седеть. Вдобавок ко всему он косил на левый глаз, что несколько затрудняло общение с ним. Например, Мур никак не мог понять, смотрит ли колдун на него, слушает его или нет. Казалось, мысль мистера Нострума бродит там же, куда устремлен его косящий глаз.

– Да-да, мы встречались с вашим братом, – напомнил Мур колдуну.

Мур видел мистера Уильяма Нострума почти каждый месяц – тот регулярно навещал своего брата. Преуспевающий волшебник, он жил и практиковал в Истборне. Если верить миссис Шарп, мистер Генри Нострум жил за счет своего обеспеченного брата, выпрашивая у него не только деньги, но и хорошие, проверенные заклинания.

Как бы там ни было, беседовать с мистером Уильямом Нострумом оказалось еще труднее, чем с его братом. Он был раза в полтора крупнее мистера Генри, всегда носил визитку, а на его вздувшейся пузырями жилетке красовалась толстая серебряная цепочка для часов. Во всем остальном мистер Уильям ничем не отличался от брата – разве что косил на оба глаза. Мур не мог понять, видит ли тот что-нибудь вообще.

– Как поживаете? – вежливо обратился к нему мальчик.

– Прекрасно, – мрачно ответил мистер Уильям, давая понять, что на самом деле поживает очень скверно.

Мистер Генри Нострум посмотрел на брата, словно прося прощения.

– Дело в том, юный Чант, – начал он объяснять Муру, – что у нас возникли неприятности. Мой брат огорчен. – Он понизил голос, а его косящий глаз начал высматривать что-то на правой щеке Мура. – Это касается тех писем от... ты понимаешь от кого. Нам ничего не удастся выяснить. Видимо, и Гвендолен ничего не известно. А ты, юный Чант, не знаешь ли, случайно, каким образом твой высокочтимый, светлой памяти батюшка был знаком с... с... с, скажем так, влиятельной особой, подписавшей те письма?

– К сожалению, я понятия об этом не имею, – признался Мур.

– Может быть, вы родственники? – предположил мистер Генри Нострум. – Чант – хорошее имя.

– Думаю, и плохое тоже, – возразил Мур. – Во всяком случае, никаких родственников у нас с Гвендолен нет.

– Может, это родство по материнской линии? – не сдавался мистер Нострум.

Его странный глаз вглядывался куда-то в пустоту, а мистер Уильям и вовсе умудрялся мрачно обозревать тротуар и крыши одновременно.

– Видишь, бедный мальчик ничего не знает, Генри, – вздохнул мистер Уильям. – Бьюсь об заклад, он не знает и девичьей фамилии своей дорогой матушки.

– А вот это я как раз знаю, – обрадовался Мур. – Я видел их брачное свидетельство. Ее девичья фамилия тоже Чант.

– Странно, – произнес мистер Нострум, наводя глаз на брата.

– Странно, а главное, совершенно бесполезно, – согласился мистер Уильям.

Муру хотелось уйти. Ему и так успели задать столько странных вопросов, что хватило бы до самого Рождества.

– Послушайте, если уж вас так все это интересует, – обратился он к братьям, – почему бы вам не написать самому мистеру... э... мистеру Крес...

– Тише! – свирепо прикрикнул на него мистер Генри Нострум.

– Молчи! – не менее грозно рявкнул его брат.

– Я хотел сказать, влиятельной особе, – проговорил Мур, с тревогой глядя на братьев.

Взор мистера Уильяма вновь остановился на лице мальчика, и тот испугался, что колдун погрузится в транс, подобно мисс Ларкинс.

– Это сработает, Генри, сработает! – внезапно воскликнул мистер Уильям. Он схватил серебряную цепочку, украшающую его жилет, и победоносно потряс ею. – Итак, за серебром!

– Я очень рад за вас, – вежливо промолвил Мур. – Но, увы, мне пора.

Он бросился бежать со всех ног. Когда позднее Муру снова понадобилось выйти из дому, он свернул направо – так чтобы, пройдя мимо дома Усердного Мага, покинуть улицу Шабаша. Он избрал довольно неудобный маршрут, ведь друзья, к которым он направлялся, жили в дру-

гой стороне, но он готов был идти в обход, лишь бы не столкнуться опять с мисс Ларкинс или братьями Нострум. Из-за них он почти мечтал о начале школьных занятий.

Вернувшись домой вечером, Мур наткнулся на Гвендолен, только что пришедшую от мистера Нострума. Как всегда, его сестра сияла и ликовала, но сегодня она еще и напустила на себя важность и загадочность.

– Тебе в голову пришла отличная идея – написать Крестоманси, – похвалила Гвендолен брата. – Даже не знаю, почему я сама до этого не додумалась. Во всяком случае, я уже отправила ему письмо.

– Почему ты? Разве мистер Нострум не мог сам ему написать? – удивился Мур.

– У меня больше оснований для такого письма, – ответила сестра. – К тому же нет ничего страшного в том, что он получит мою подпись. А содержание письма мне продиктовал мистер Нострум.

– Да ему-то зачем это все? – с недоумением спросил брат.

– Можно подумать, что ты не хочешь узнать, в чем дело! – запальчиво воскликнула Гвендолен.

– Нет, – сказал Мур просто. – Я – не хочу. Поскольку этот разговор напомнил ему об утренних событиях, он снова пожелал, чтобы скорее началась осенняя четверть, и пробормотал:

– Вот бы созрели конские каштаны!

– Конские каштаны! – с величайшим презрением воскликнула Гвендолен. – Ума палата! Пройдет еще месяца полтора, пока они созреют.

– Да знаю я, – вздохнул Мур.

Выходя из дому в течение следующих двух дней, он каждый раз сворачивал направо.

Стояли чудесные золотые деньки, какие выпадают в начале осени, когда август перетекает в сентябрь. Как-то Мур и его друзья гуляли по берегу реки. Они обнаружили забор и влезли на него. За забором оказался сад, где ребятам посчастливилось найти дерево, усыпанное сладкими белыми яблоками-скороспелками. Ребята набрали полные карманы и шапки яблок. Приметивший их садовник в гневе погнался за ними с граблями. Друзья бросились врассыпную. Мур с гордостью принес домой целую шапку сочных плодов.

Миссис Шарп любила яблоки, и Мур надеялся, что на сей раз она пощадит его и не станет печь пряничных человечков. Вообще-то, эти человечки приводят детей в восторг. Они прыгают с тарелки и пускаются наутек, причем бегают так проворно, что, поймав их после долгой погони, ты чувствуешь себя вправе съесть их. Это честная игра, и некоторым человечкам удается удрать. Однако пряничный народец, испеченный миссис Шарп, вел себя иначе. Ее человечки лежали на тарелке, вяло шевеля конечностями, и Муру не хватало духу их съесть.

Мур так углубился в размышления, что даже не обратил внимания на экипаж, стоящий неподалеку от их дома. Вбежав через боковую дверь, он влетел на кухню со своей шапкой, полной яблок, и закричал:

– Миссис Шарп, вы дома? Поглядите, что у меня есть!

Миссис Шарп, видимо, еще не пришла. Зато посреди кухни стоял высокий и необычайно хорошо одетый мужчина. Мур с опаской посмотрел на него. Богатый посетитель наверняка был новым членом городского совета. Только люди этого круга носят брюки в такую элегантную полоску, пиджаки из такого роскошного бархата и цилиндры, блестящие не меньше их тужурки. Черные волосы гостя выглядели столь же безупречно, как и его шляпа. Мур сразу понял, что это Темный Незнакомец, явившийся, чтобы помочь Гвендолен в управлении миром. И уж конечно, кухня была малоподходящим местом для такого человека. Посетителей вообще всегда проводили прямо в гостиную.

– Здравствуйтесь, сэр. Не угодно ли вам пройти сюда, сэр? – выдохнул Мур.

Темный Незнакомец смотрел на него в недоумении. «И его можно понять», – подумал мальчик, рассеянно оглядываясь по сторонам. На кухне царил привычный беспорядок. Плита была покрыта толстым слоем золы. На столе Мур с досадой обнаружил следы приготовления пряничных человечков. Все, что требовалось для ритуала, было сложено на одном конце стола (разные неряшливые газетные свертки и жалкие склянки), а сами пряники лежали посредине. На другом конце стола мухи слетелись на мясо для ланча, выглядевшее весьма неаппетитно. В общем, картина была самая удручающая.

– Кто ты? – спросил Темный Незнакомец. – Мне кажется, я тебя знаю. И что у тебя в шапке?

Растерянно озираясь по сторонам, Мур пропустил мимо ушей слова гостя. Но последний вопрос он услышал и сразу повеселел.

– Яблоки, – ответил мальчик, протягивая шапку Незнакомцу. – Чудесные, сладкие яблоки. Я тут нарвал немножко... Уф, еле удрал...

Незнакомец помрачнел.

– Рвать чужие яблоки, – произнес он, – в некотором роде воровство.

Мур и сам это знал, однако полагал, что даже члену городского совета не стоит об этом упоминать.

– Я знаю. Но спорим, в моем возрасте вы и сами рвали яблоки в чужом саду?

Гость слегка кашлянул и сменил тему:

– Ты так и не представился.

– Неужели? Извините, – вежливо промолвил Мур. – Я Эрик Чант, но все зовут меня Муром.

– Значит, Гвендолен Чант – твоя сестра? – спросил Незнакомец.

Его взгляд стал более строгим и в то же время более сочувственным. Видимо, предположил Мур, кухня миссис Шарп представляется гостю обителью греха.

– Да, сестра. Не угодно ли вам пройти туда? – Мальчик всеми силами старался увести Незнакомца с кухни. – Там прибрано.

– Твоя сестра написала мне, – продолжил гость, не сходя с места. – Из ее письма у меня сложилось впечатление, что ты утонул вместе с родителями.

– Это не совсем так, – рассеянно возразил Мур. – Я не утонул, потому что держался за Гвендолен, а она ведьма. Ну пойдете же, там чище.

– Понятно, – задумчиво проговорил Незнакомец. – Кстати, меня зовут Крестоманси.

– Ох, – выдохнул Мур.

Нужно было немедленно что-то делать. Мур швырнул шапку с яблоками прямо на волшебные свертки и склянки, надеясь разрушить чары.

– Тогда вы просто обязаны сейчас же пройти в гостиную.

– Почему? – удивился Крестоманси.

– Да потому, – воскликнул Мур, выходя из себя, – что вы слишком важный человек и вам нельзя здесь оставаться!

– Но почему ты считаешь меня таким уж важным? – все еще недоумевал Крестоманси.

Муру захотелось схватить посетителя за плечи и хорошенько встряхнуть.

– Ну а как же? Вы так хорошо одеты. И миссис Шарп так считает. Она говорила, мистер Нострум отдаст оба глаза за три ваших письма.

– И мистер Нострум отдал глаза в обмен на мои письма? – в изумлении воскликнул Крестоманси. – Едва ли они того стоят.

– Нет, он всего лишь дает Гвендолен уроки в обмен на них, – успокоил его Мур.

– Что? В обмен на собственные глаза? Как это неловко! – усмехнулся Крестоманси.

К счастью, послышались быстрые шаги и в кухню, запыхавшись, влетела сияющая и ликующая Гвендолен.

– Мистер Крестоманси?!

– Просто Крестоманси, – поправил ее Незнакомец. – Он самый. А ты, вероятно, Гвендолен?

– Да. Мистер Нострум сказал мне, что там экипаж, – выпалила она.

За ней, на цыпочках и почти не дыша, впорхнула миссис Шарп. К радости Мура, они принялись наперебой беседовать с гостем. Крестоманси наконец позволил увести себя в гостиную, где хозяйка почтительно предложила ему чашку чая и блюдец еле живых пряничных человечков. Мур с симпатией заметил, что и Крестоманси не хватило духу их съесть. Он только выпил чашку чая – пустого, без молока и сахара – и спросил миссис Шарп о том, как Гвендолен и Мур оказались в ее доме. Та, понятное дело, изо всех сил попыталась внушить важному гостю, что опекает детей совершенно бескорыстно, из одного лишь добросердия. Ей так хотелось, чтобы Крестоманси, подобно членам городского совета, взял на себя ее расходы.

Но Гвендолен решила проявить честность.

– Наше содержание оплачивает город, – невозмутимо пояснила она, – поскольку все переживают из-за несчастного случая.

Мур облегченно вздохнул, хотя и почувствовал, что сестра вот-вот выбросит миссис Шарп, как старое платье.

– Что ж, тогда я должен побеседовать с мэром, – объявил Крестоманси, вставая и потирая свой роскошный цилиндр элегантным рукавом.

Хозяйка заметно сникла. Ей тоже стало понятно, что затевает Гвендолен.

– Не беспокойтесь, миссис Шарп, – ободрил ее гость. – Никто не станет вводить вас в убыток.

Прощаясь за руку с Муром и Гвендолен, он сказал:

– Мне, конечно же, следовало навестить вас раньше. Простите меня. Понимаете, ваш отец был ужасно груб со мной. Надеюсь, мы скоро увидимся снова.

Затем Крестоманси сел в экипаж и уехал, оставив миссис Шарп раздосадованной, Мура – обеспокоенным, а Гвендолен – ликующей.

– Чему ты так радуешься? – поинтересовался Мур у сестры.

– Он проникся нашей сиротской участью, – возгласила она. – Теперь он будет опекать нас. Моя судьба решена!

– Не болтай чепухи! – огрызнулась миссис Шарп. – Твоя судьба ничуть не изменилась. Хоть он и явился сюда во всей красе, он ничего такого не говорил и уж тем более ничего не обещал.

– Но вы не видели душераздирающего письма, которое я ему написала, – самонадеянно ухмыльнулась Гвендолен.

– А что толку? Было бы что раздирать! – парировала миссис Шарп.

Мур был склонен с ней согласиться. К тому же он с ужасом понял, что до появления Гвендолен и миссис Шарп умудрился оскорбить Крестоманси так же, как это некогда сделал его отец. И если Гвендолен об этом узнает, ему несдобровать.

К крайнему изумлению Мура, права оказалась Гвендолен. В тот же день их посетил мэр и объявил, что Крестоманси уладил все дела. Теперь Мур и Гвендолен могут поселиться в доме Крестоманси и стать членами его семьи.

– И вряд ли мне нужно объяснять, дружочки, как крупно вам повезло, – сказал мэр, глядя на Гвендолен, которая с радостным воплем бросилась обнимать угрюмую миссис Шарп.

Мур еще никогда так не волновался. Он дернул мэра за рукав:

– Прошу вас, сэр, объясните мне, кто такой Крестоманси.

Мэр ласково потрепал его по затылку.

– Это весьма значительный джентльмен, – важно произнес он. – Вскоре, мой мальчик, вы будете запанибрата со всеми коронованными особами Европы. Ну, что ты об этом думаешь, а?

Мур не знал, что об этом думать. Слова мэра ровным счетом ничего ему не объяснили, а только еще больше взволновали. Видимо, Гвендолен действительно написала очень трогательное письмо.

Итак, в жизни Мура должна была произойти очередная важная перемена, и он подозревал, что и эта перемена – к худшему. Всю следующую неделю, пока жены членов городского совета покупали им новую одежду, а Гвендолен становилась все более взбудораженной и ликующей, Мур скучал по миссис Шарп и всем остальным (даже по мисс Ларкинс) так сильно, будто уже расстался с ними. Когда ему и Гвендолен пришло время садиться в поезд, город устроил им великолепные проводы, с флагами и оркестром медных духовых. Это еще больше огорчило Мура. Он нервно ерзал на краешке сиденья, боясь, что впереди его ждет неизвестность, а может, даже и всякие напасти.

Гвендолен, напротив, была в отличном расположении духа. Она разгладила на коленях нарядное новое платье, изящно поправила миленькую новую шляпку и элегантно откинулась в кресле.

– У меня получилось! – победоносно воскликнула она. – Разве я не молодец?

– Нет, – печально проговорил Мур. – Я уже скучаю по дому. Что ты наделала? Чему ты так радуешься?

– Тебе не понять, – снисходительно ответила Гвендолен. – Но я, пожалуй, кое-что тебе объясню. Наконец-то я выбралась из этого захолустья с его пустоголовыми членами городского совета и никчемными колдунами! А главное, сам Крестоманси оробел передо мной! Хоть это ты заметил?

– Ну не знаю, – протянул Мур. – Я видел, как ты старалась ему понравиться...

– Замолчи сейчас же, а не то я тебе такие судороги устрою! – разозлилась Гвендолен.

И когда поезд, издав прощальный гудок, медленно пополз вдоль перрона, она изящно помахала духовому оркестру затянутой в перчатку ладошкой – ни дать ни взять особа королевской крови. Мур понял, что сестра всерьез готовится править миром.

Глава третья

Через час поезд прибыл в Бобридж, где брату с сестрой надо было выходить.

– А городишко-то маленький, – с недовольным видом заметила Гвендолен.

– Бобридж! – объявил проводник, пробегая по перрону. – Бобридж. Юных Чантов просят сойти.

– Юные Чанты! – презрительно повторила Гвендолен. – Мог бы и поуважительней к нам обращаться!

И все-таки любое внимание ей льстило. Мур видел, что она дрожала от возбуждения, плотнее натягивая свои чересчур дамские перчатки. Он робко прятался за ее спиной, когда они выходили из поезда и, кутаясь от холодного ветра, наблюдали за тем, как носильщики выбирают на перрон их чемоданы. Проществовав к проводнику, Гвендолен произнесла тоном королевы:

– Юные Чанты – это мы.

Это не произвело на проводника никакого впечатления. Едва кивнув, он заторопился к входу в здание вокзала, где ветер задувал еще сильнее, чем на перроне. Гвендолен пришлось придержать шляпку, чтобы та не слетела. У входа к ним шагнул молодой человек. Его куртка надулась от ветра и хлопала, как парус.

– Мы – юные Чанты, – все тем же царственным тоном объявила Гвендолен.

– Гвендолен и Эрик? Рад вас видеть, – дружелюбно сказал молодой человек. – А я – Майкл Сондерс. Вы будете заниматься у меня вместе с другими детьми.

– Другими детьми? – надменно спросила Гвендолен.

Однако мистер Сондерс явно не привык стоять на месте и чинно беседовать. Он успел умчаться за чемоданами. Раздражение Гвендолен росло. Но когда мистер Сондерс вернулся и они все вместе вышли на площадь перед вокзалом, где их ждал автомобиль – длинный, черный, глянцевоый, Гвендолен сменила гнев на милость. Такой прием ее вполне устраивал.

А Мур предпочел бы ехать в экипаже. Машина тряслась и гудела, к тому же в ней пахло бензином. Его сразу затошнило и стало еще хуже, когда автомобиль выехал из Бобриджа и

заколесил по извилистой проселочной дороге. Мур утешал себя только тем, что ехали они быстро. Уже через десять минут мистер Сондерс воскликнул:

– А вот и замок Крестоманси! Отсюда его видно лучше всего.

Позеленевший Мур и румяная Гвендолен посмотрели в ту сторону, куда указывал мистер Сондерс. Украшенный башенками серый замок возвышался на дальнем холме. На новом повороте им открылась пристройка к замку, должно быть недавняя, – с огромными окнами и флагом над крышей. Еще они увидели могучие деревья – темные кедры и большие вязы, а между ними мелькали лужайки и пестрели цветы.

– Выглядит здорово, – выдавил измученный Мур, удивляясь молчанию Гвендолен.

Он надеялся, что остаток дороги будет не слишком извилистым.

На его счастье, им осталось лишь обогнуть зеленый газон и въехать в массивные ворота. К старой части замка вела длинная аллея, обсаженная деревьями. Шурша гравием, машина при тормозила прямо у величественного входа. Гвендолен нетерпеливо потянулась к двери. Она не сомневалась, что в таком доме есть дворецкий, а может, и лакеи, поэтому ей не терпелось совершить торжественный выход.

Однако автомобиль поехал дальше мимо бугристых серых стен старого замка и остановился перед малозаметной дверью в начале пристройки. Этот вход, скрытый густой зеленью рододендронов, казался почти потайным.

– Сейчас мы войдем в эту дверь, – бодро объяснил мистер Сондерс, – поскольку именно ею вам придется пользоваться чаще всего. Вот я и подумал, что вам будет легче здесь ориентироваться, если я сразу же проведу вас тем путем, каким вам предстоит ходить каждый день.

Мур не имел ничего против: на его взгляд, эта дверь выглядела более домашней, уютной. Но Гвендолен, чье торжественное появление сорвалось, бросала на мистера Сондерса возмущенные взгляды и явно подумывала о том, какое бы заклятие попротивней на него наложить. Скрепя сердце она отказалась от этой затеи: ей все же хотелось произвести хорошее впечатление.

Выйдя из машины, брат и сестра последовали за мистером Сондерсом в дом и оказались в просторном, сияющем чистотой коридоре. Кстати, куртка их провожатого имела свойство надуваться парусом даже там, где вовсе не было ветра.

Встречала их весьма представительная дама. Она была затянута в узкое пурпурное платье, а на голове ее высилась целая башня черных как смоль волос. Мур подумал, что она и есть миссис Крестоманси.

– Это мисс Веникс, экономка, – представил даму мистер Сондерс. – Мисс Веникс – Эрик и Гвендолен. Боюсь, Эрика укачало в машине.

Реплика мистера Сондерса смутила Мура: неужели это так заметно? А Гвендолен, недовольная тем, что ее встречает какая-то экономка, холодно протянула мисс Веникс руку.

Мисс Веникс церемонно поздоровалась с обоими. Мур подумал, что еще ни одна дама не вселяла в него такого благоговения, и тут мисс Веникс ласково улыбнулась.

– Бедный Эрик, – сказала она. – Я тоже с трудом переношу поездки в автомобиле. Ну ничего, раз ты уже выбрался из машины, тебе должно стать легче, но если ты все еще неважно себя чувствуешь, я дам тебе какое-нибудь лекарство. Идите умойтесь и посмотрите свои комнаты.

Вслед за узким пурпурным треугольником платья мисс Веникс они поднялись по лестнице, затем прошли по коридору, за которым их ждала еще одна лестница. Мур в жизни не видел подобной роскоши. Всю дорогу они шли по ковру – мягкому зеленому ковру, похожему на утреннюю росистую траву, – а пол по обеим сторонам был так отполирован, что в нем отражались и ослепительно-белые стены, и картины на стенах. Всюду царил тишина, нарушаемая только звуком шагов и пурпурным шелестом мисс Веникс.

Домоправительница открыла одну из дверей, и ребята зажмурились от яркого полдневного солнца.

– Вот твоя комната, Гвендолен. А тут – твоя ванная.

– Спасибо, – произнесла Гвендолен, величественно вplывая в свои владения.

Мур заглянул туда из-за спины мисс Веникс и увидел, что комната очень большая и почти весь пол в ней покрыт толстым мягким турецким ковром.

– Когда нет гостей, семья ужинает рано, – предупредила экономка, – вместе с детьми. Сегодня как раз такой день. Но думаю, вы все равно хотите чаю. Я распоряжусь. В чью комнату прислать чай?

– В мою, пожалуйста, – быстро ответила Гвендолен.

Последовала короткая пауза, а затем мисс Веникс продолжила:

– Значит, с этим мы разобрались. А твоя комната, Эрик, наверху.

Они поднялись по винтовой лестнице. Мур обрадовался: кажется, ему предстояло жить в старой части замка. Он не ошибся. Мисс Веникс открыла дверь, и взору мальчика предстала круглая комната с тремя окнами. Мур подивился толщине стен – фута три, не меньше! Мур не удержался и пробежался по яркому ковру, вскарабкался на стул у окна и выглянул на улицу. За плоскими кронами кедров открывался вид на большую лужайку, напоминающую лоскут зеленого бархата, за которой высился холм с цветущими садами по склону. Затем Мур оглядел саму комнату: выбеленные сводчатые стены, массивный камин, кровать, застеленную лоскутным одеялом, стол, комод и книжный шкаф с заманчивыми корешками.

– Мне здесь нравится! – воскликнул Мур. – Жаль только, что вход в ванную не прямо из комнаты, а дальше по коридору, – сказала мисс Веникс, словно извиняясь за этот недостаток.

Но поскольку у Мура никогда раньше не было собственной ванной, он нимало не огорчился.

Едва экономка ушла, он поспешил взглянуть, как же эта ванная выглядит. К своему полному восхищению, он обнаружил там красные полотенца – маленькое, среднее и большое – и губку величиной с дыню. Ванна стояла на чугунных львиных лапах. В углу комнаты, облицованном кафелем и завешанном красной прорезиненной занавеской, помещался душ. Муру не терпелось поэкспериментировать со всеми этими радостями, и он порядком намочил все кругом. Когда он, все еще мокрый, вернулся в свою комнату, его чемодан и коробка уже находились там и рыжеволосая горничная их распаковывала. Она сказала мальчику, что ее зовут Мэри, и спросила у него, правильно ли она раскладывает вещи. Мэри вела себя чрезвычайно любезно, но Мур несколько робел, поскольку ее рыжие волосы напоминали ему о мисс Ларкинс.

– Э... могу ли я пойти вниз, чтобы... э... выпить чаю? – запинаясь, спросил мальчик.

– Чувствуй себя как дома, – ответила Мэри (как показалось Муру, холодновато).

Он побежал вниз, думая, что, возможно, не произвел на горничную должного впечатления.

Чемодан Гвендолен высился в самом центре ее комнаты. Сама она восседала в царственной позе возле круглого стола у окна. Перед ней стояли большой оловянный чайник и две тарелки: в одной – серый хлеб с маслом, в другой – печенье.

– Я сказала горничной, что сама распакую свои вещи, – объявила Гвендолен. – Ведь и в чемодане, и в коробке у меня кое-что припрятано. И я попросила ее немедленно принести чай, поскольку умираю с голоду. Но ты только посмотри на это! В жизни не видела подобного убожества. У них даже варенья не нашлось!

– Может, хотя бы печенье вкусное? – с надеждой предположил Мур.

Увы, печенье оказалось так себе.

– И вот мы должны голодать – посреди всей этой роскоши! – трагически простонала сестра.

Ее комната и впрямь сияла великолепием. С голубыми бархатными обоями идеально гармонировала кровать, сверху донизу обитая тем же материалом и застеленная покрывалом той же расцветки. На стулья не пожалели позолоты. Туалетный столик с золочеными ящичками и кисточками, а также длинным овальным зеркалом в обрамлении позолоченных листьев и цветов сделал бы честь любой принцессе. Столик Гвендолен понравился – в отличие от платяного шкафа, расписанного гирляндами и майскими плясунами¹.

– Шкаф нужен для того, чтобы вешать одежду, а не разглядывать его, – недовольно пояснила она, – а эти картинки меня отвлекают. Но ванная прелестна.

Мур заглянул в ванную, облицованную голубым и белым кафелем. Сама ванна располагалась очень низко, на уровне пола, тоже покрытого плиткой. Над ней, как полог над колыбелью, висели голубые занавески. Полотенца были под цвет кафеля. Муру больше приглянулась его собственная ванная, но, возможно, это объяснялось тем, что в ванной сестры ему пришлось просидеть довольно долго – она заперла его там, чтобы он не мешал ей распаковать чемодан. Сквозь шум воды (Мур устроил настоящий потоп – а что ему еще оставалось делать?) он услышал, как Гвендолен раздраженно обращается к кому-то, кто пришел забрать остатки скудного угощения и, очевидно, застал ее с открытым чемоданом. Выпуская Мура, она все еще была вне себя от возмущения.

– Мне кажется, здешние слуги не слишком-то учтивы, – выпалила Гвендолен. – Если эта девица скажет еще одно слово, я позабочусь о том, чтобы у нее на носу вскочил фурункул, хоть ее и зовут Юфимией! Впрочем, – снисходительно добавила Гвендолен, – я склонна думать, что носить такое имя – само по себе суровое наказание. Ладно, Мур, ступай к себе и надень свой новый костюмчик. Как объявила эта Юфимия, до ужина всего полчаса и нам следует переодеться. В жизни не слыхала столь сухого и официального приглашения!

– А я думал, ты рассчитывала именно на такое обращение, – заметил Мур, не очень-то любящий церемонии.

– Можно быть светским и естественным в одно и то же время, – возразила Гвендолен.

И все-таки мысль о скором триумфе подействовала на нее умиротворяюще.

– Надену-ка я голубое платье с кружевным воротником, – промолвила она. – А носить имя Юфимия действительно слишком тяжелое бремя даже для того, кто очень груб.

Поднимаясь по винтовой лестнице, Мур услышал, как замок наполняется раскатистым гулом. Этот звук, впервые нарушивший тишину, встревожил Мура. Впоследствии он узнал, что так звучит гонг, означающий: до ужина осталось полчаса, пора переодеться. Мур, конечно же, мог надеть свой костюмчик гораздо быстрее, поэтому он успел еще разок забраться под душ. Когда горничная с никудышным именем Юфимия пришла за ним и Гвендолен, чтобы проводить их в гостиную, где уже собралась вся семья, Мур чувствовал себя совершенно отсыревшим и еле волочил ноги, как если бы вода лишила его сил.

Одетая в прелестное голубое платье, Гвендолен вплыла с достоинством. Мур тащился за ней. В комнате оказалось полно народу, при чем Мур не мог взять в толк, каким это образом все они являются членами семьи. В гостиной сидели: старая дама в кружевных перчатках; человек с могучими бровями и громким голосом, вещавший о курсах акций;

мистер Сондерс, чьи руки и ноги были длинноваты для его потертого черного костюма;

по крайней мере две молодые леди;

по меньшей мере два молодых человека.

¹ 1 мая в Англии отмечают старинный праздник весны. В этот день принято устраивать всевозможные увеселения – например, украшать лентами и цветами столб (“майский шест”) и плясать вокруг него.

Мур увидел Крестоманси – тот был великолепен в темно-красном бархате. Волшебник тоже посмотрел на Мура и Гвендолен, но, судя по его рассеянной, растерянной улыбке, по-видимому, не смог вспомнить, кто они такие.

– О, – промолвил Крестоманси. – Гм... Это моя жена.

Их подвели к пухлой даме с коротким лицом. На ней было великолепное кружевное платье – Гвендолен, вне себя от восторга, так и пожирала его глазами, – но в остальном жена Крестоманси казалась самой обыкновенной дамой. Она обратилась к ним с дружеской улыбкой:

– Эрик и Гвендолен, не так ли? Зовите меня Милли, мои дорогие.

Оба вздохнули с облегчением – они уже начали ломать голову над тем, как обращаться к миссис Крестоманси.

– А теперь вы должны познакомиться с моими детьми, Джулией и Роджером, – продолжила Милли.

Из-за ее спины выглянули двое пухлых ребят, бледных и одышливых. На девочке было такое же, как у матери, кружевное платье, а на мальчике – костюм из голубого бархата, но даже нарядная одежда не могла скрыть того, что оба они обладают внешностью еще более заурядной, чем их мать. Они вежливо посмотрели на Гвендолен и Мура, а затем все четверо поздоровались друг с другом. Больше сказать было нечего.

К счастью, очень скоро появился дворецкий, он распахнул двери и объявил, что ужин подан. Гвендолен снова возмутилась.

– Почему это он не открыл дверь перед нами? – свирепо прошипела она Муру, когда все в беспорядке потянулись в столовую. – Почему мы должны пропускать вперед экономку?

Мур ничего не ответил – он из последних сил старался не отстать от сестры. Все расселись за длинным, празднично накрытым столом, и если бы Мура усадили далеко от Гвендолен, он наверняка упал бы в обморок от ужаса. К его облегчению, все обошлось, но ужин и без того был ужасен. Из-за левого плеча Мура постоянно возникали серебряные блюда с яствами, и, поскольку это происходило неожиданно, он каждый раз подскакивал, задевая тарелку. Но хуже всего было то, что он левша. Ему было не с руки орудовать ложкой и вилкой, ведь они лежали у него так же, как у всех остальных. Пытаясь поменять их местами, он ронял ложку, а решив оставить все как есть, проливал соус. Лакей неизменно повторял: «Ничего страшного, сэр», отчего Мур совсем сник.

С беседой дела обстояли не лучше, чем с трапезой. На дальнем конце стола громкоголосый человечек неумолчно тараторил об акциях, а там, где сидел Мур, рассуждали об искусстве. Мистер Сондерс, по-видимому, все лето пропутешествовал за границей. Он видел статуи и картины во всех европейских музеях и был от них в полном восторге. От волнения молодой человек то и дело с силой ударял по столу. Он захлеб говорил о студиях и школах, кватро-ченто и голландских интерьерях. У Мура голова пошла кругом. Мальчик взглянул на худое, скуластое лицо мистера Сондерса и с благоговением подумал о множестве знаний, заключенных в этой голове.

Тут в разговор вступили супруги Крестоманси. Милли сыпала именами, которых Мур в жизни не слыхивал, а волшебник отзывался о них так, словно речь шла о его близких друзьях. Мур подумал, что, какими бы обыкновенными ни казались все прочие члены семьи, в самом Крестоманси не было ничего заурядного. У него были яркие черные глаза, притягательные, даже когда он выглядел рассеянным или задумчивым. А уж если речь шла о чем-то интересном, например об искусстве, то казалось, что сияние глаз Крестоманси заливают все его лицо. К огорчению Мура, дети волшебника тоже поддерживали разговор. Они так весело щебетали, словно бы действительно понимали, о чем идет речь.

Мур чувствовал себя ужасным невеждой. Неудивительно, что из-за этой беседы и внезапно возникших серебряных блюд у Мура совершенно пропал аппетит (к тому же он имел глупость съесть все печенье, поданное к чаю). Насилу одолев лишь половину торта из мороже-

ного, Мур завидовал сестре, с невозмутимым и даже высокомерным видом вкушавшей изысканные яства.

Наконец трапеза завершилась. Юных Чантов отпустили на свободу, и они удалились в роскошную комнату Гвендолен. Девочка со всего размаху плюхнулась на свою бархатную кровать.

– Какое ребячество! – воскликнула она. – Они выставляют напоказ свои знания, чтобы мы почувствовали себя ничтожествами. Мистер Нострум меня об этом предупреждал. Они пытаются скрыть свое малодушие. Какая жуткая у Крестоманси жена! А видел ли ты когда-нибудь более некрасивых и глупых детей, чем эти двое? Да, замок меня уже угнетает. Чувствую, скоро я все здесь возненавижу.

– Может, когда мы привыкнем, жизнь покажется нам не столь ужасной? – без особой надежды предположил Мур.

– Будет еще хуже, – пообещала Гвендолен. – С этим замком что-то не так. Я чувствую его дурное воздействие. Здесь есть нечто мертвящее, высасывающее из меня жизнь и магические способности. Я здесь задыхаюсь.

– По-моему, ты все выдумываешь, – возразил Мур, – потому что хочешь вернуться назад, к миссис Шарп.

Он вздохнул, поскольку сам по ней скучал. – Нет, не выдумываю, – упорствовала Гвендолен. – Кстати, замок давит так сильно, что даже ты можешь это почувствовать. Давай-ка сосредоточься. Разве ты не чувствуешь это омертвление?

Мур не пришлось особенно сосредоточиваться, чтобы понять, о чем говорит Гвендолен. Действительно, с замком творилось нечто странное. Сначала Мур подумал, что это всего лишь тишина, но он ошибся. В атмосфере ощущалась какая-то мягкость, а в то же время и тяжесть, как будто все слова и движения были придавлены огромной периной. Обычные звуки, например их голоса, казались очень тонкими и не давали эха.

– Да, немного странно, – согласился Мур. – Странно? Да просто ужасно! – роковым голосом произнесла Гвендолен. – Буду рада, если мне удастся выжить. – И, к удивлению брата, добавила: – Хотя я не жалею, что попала сюда.

– А я жалею, – признался Мур.

– Ну и кто бы, интересно, за тобой присматривал? – спросила сестра. – Ладно. Принеси мне колоду карт – ту, что лежит на туалетном столике. Вообще-то, карты волшебные, но если мы скинем все козыри, то сможем, если хочешь, поиграть в снэп².

² Детская карточная игра, в которой игроки по очереди выкладывают карты. Цель игры – быстрее противника крикнуть «Snap!» («Щелк!»), если на стол легли две карты с одинаковыми цифрами или картинками.

Глава четвертая

Наутро рыжеволосая Мэри разбудила Мура, и его тотчас обволокла все та же тишина и мягкость. Неровные стены комнаты были залиты ярким солнечным светом. Даже теперь, когда Мур знал, что в замке полно людей, он не слышал ни звука. Казалось, и за окнами царит безмолвие.

«А, знаю, на что это похоже! – подумал Мур. – Так бывает, когда ночью выпадает снег». От этой мысли ему стало уютно и тепло, и он снова погрузился в сон.

– Эрик, тебе правда пора вставать, – затормошила его Мэри. – Я приготовила для тебя ванну, а уроки начинаются в девять. Поторопись, а то не успеешь позавтракать.

Мур вскочил. Мысль о ночном снегопаде настолько засела у него в голове, что он сильно удивился солнцу и почти летнему теплу. А выглянув в окно, Мур не поверил своим глазам: перед ним расстились зеленые лужайки с цветами, над пышной листвой деревьев кружили дрозды. Мэри уже ушла. Это обрадовало Мура, ведь он еще не понял, нравится она ему или нет, да и боялся опоздать на завтрак. Наспех одевшись, он забежал в ванную и вытащил из ванны затычку. Потом сбежал вниз по винтовой лестнице и влетел в комнату Гвендолен.

– Ты знаешь, где мы завтракаем? – спросил он сестру.

По утрам она всегда бывала не в духе. Вот и сегодня, восседая на голубом бархатном стуле перед зеркалом с гирляндами, она свирепо расчесывала свои золотистые волосы. Это занятие постоянно выводило Гвендолен из себя.

– Понятия не имею, и вообще мне все равно! Замолчи! – огрызнулась она.

– Как ты нехорошо разговариваешь, – заметила Юфимия, быстро входя в комнату вслед за Муром. Она была очень даже симпатичной девушкой и, по-видимому, вовсе не считала свое имя обузой. – Мы ждем вас, чтобы подать завтрак. Идемте.

Гвендолен отшвырнула гребень, и они пошли вслед за Юфимией в одну из комнат дальше по коридору. Комната, квадратная и просторная, с большими окнами, выглядела довольно

запущенной. Глаз отмечал потертую кожаную обивку стульев, пятна на зеленом ковре. Ни один из шкафов плотно не закрывался: отовсюду торчали заводные паровозики и теннисные ракетки. Джулия и Роджер в ожидании сидели за столом у окна. Их поношенная одежда вполне соответствовала беспорядку вокруг.

Мэри, тоже поджидавшая Гвендолен и Мура, воскликнула: «Ну наконец-то!» – и стала возиться с очень любопытным лифтом, спрятанным в особом шкафу у камина. Когда что-то лязгнуло, Мэри открыла дверцы лифта и вытащила оттуда большую тарелку с хлебом и маслом, а также дымящийся коричневый кувшин с какао. Она принесла все это на подносе к столу, и Юфимия налила каждому ребенку по кружке какао.

Гвендолен презрительно взглянула на тарелку с хлебом:

– И это все?

– А что еще тебе нужно? – поинтересовалась Юфимия.

В воображении Гвендолен проплыли овсянка, яичница с беконом, грейпфрут, тосты и копченая селедка. Не в силах выбрать что-то одно, она продолжала молча смотреть перед собой.

– Решай побыстрее, – не выдержала служанка. – Мне, знаешь ли, тоже пора завтракать.

– Нет ли у вас джема? – очнулась от оцепенения Гвендолен.

Юфимия и Мэри переглянулись.

– Джулии и Роджеру запрещено есть джем, – пояснила Мэри.

– Но мне никто не запрещал его есть, – с расстановкой произнесла Гвендолен. – Немедленно принесите мне джем.

Мэри подошла к переговорной трубе возле лифта, и после длительного гомыхания и победного лязганья явилась банка с джемом. Горничная поставила ее перед Гвендолен.

– Вот спасибо! – воскликнул Мур.

Ему очень хотелось джема, а какао он терпеть не мог.

– Не стоит благодарности, – чуть насмешливо ответила Мэри, и обе горничные удалились.

На некоторое время воцарилось молчание. Затем Роджер обратился к Муру:

– Передай мне, пожалуйста, джем.

– Да ведь тебе нельзя, – возразила Гвендолен, по-прежнему воинственно настроенная.

– Никто не узнает, если я возьму его одним из ваших ножей, – безмятежно сказал Роджер.

Передавая ему банку и свой нож в придачу, Мур полюбопытствовал:

– А почему вам нельзя?

Джулия и Роджер безмятежно переглянулись. – Мы слишком толстые, – объяснила Джулия.

Она преспокойно взяла у брата нож и всерьез занялась джемом.

«Ну еще бы», – подумал Мур, глядя, сколько джема эти двое умудрились нагромоздить на хлеб. Джем высился над кусками хлеба, словно липкие коричневые скалы.

Гвендолен с отвращением взглянула на Роджера и Джулию и самодовольно оглядела свое аккуратное льняное платье. Разница была велика.

– Ваш отец такой мужчина! Ему, должно быть, очень неприятно, что вы оба пухлые и неказистые, как, впрочем, и ваша матушка.

Толстяки невозмутимо выглядывали из-за своих приторных утесов.

– Я как-то об этом не думал, – признался жующий Роджер.

– Быть пухлым удобно и уютно, – заявила Джулия. – А вот фарфоровым куклам вроде тебя наверняка живется несладко.

Голубые глаза Гвендолен сверкнули. Она тихонько щелкнула пальцами под столом. В ту же секунду кусок хлеба с толстым слоем джема выскользнул из рук Джулии и с размаху шлепнул ее по щеке. Джулия изумленно охнула: джем залепил ей пол-лица.

– Не смей меня оскорблять! – крикнула Гвендолен.

Джулия неторопливо сняла с лица хлеб и достала носовой платок. Мур подумал, что она хочет вытереться, но не тут-то было: Джулия и не подумала приводить себя в порядок, и джем стал вязко стекать по ее пухлым щекам. Зато она завязала на платке узелок и стала медленно его затягивать, выразительно глядя на Гвендолен. Узел затянулся, и тогда наполовину полный и все еще дымящийся кувшин какао взмыл в воздух. Поколебавшись в нерешительности, он направился в сторону Гвендолен и завис прямо над ее головой. Затем он начал толчками наклоняться.

– Прекрати сейчас же! – задохнулась от возмущения Гвендолен.

Она подняла руку, пытаясь оттолкнуть кувшин. Тот ловко увернулся и продолжил наклоняться. Гвендолен снова щелкнула пальцами и пробормотала странные слова, однако кувшин ее не слушался. Какао подступило к самому его носику; казалось, еще секунда, и оно польется на Гвендолен. Та отклонилась в сторону, но кувшин в мгновение ока снова навис над ее головой.

– Может, позволить ему пролиться? – невозмутимо спросила Джулия.

Под слоем джема на ее физиономии играла едва заметная улыбка.

– Только попробуй! – завопила Гвендолен. – Я все расскажу Крестоманси! Я...

Она выпрямилась, однако кувшин тоже не дремал. Гвендолен попыталась его схватить, но он опять проворно отскочил.

– Осторожно, какао может выплеснуться. Неужели тебе не жаль своего чудесного платья? – не скрывая ликования, проговорил Роджер.

– А ты вообще заткнись! – крикнула Гвендолен и на сей раз отклонилась так, что оказалась почти на коленях у брата.

Мур с опаской смотрел на угрожающе нависший над ними кувшин, из которого, казалось, вот-вот польется горячее какао.

Но тут открылась дверь, и вошел Крестоманси, облаченный в цветастый шелковый шлафрок – пурпурно-красный, с золотой отделкой по вороту и манжетам. В этом одеянии волшебник выглядел удивительно высоким, изумительно стройным и невероятно величественным. Он мог бы быть императором или исключительно суровым епископом. Крестоманси вошел, приветливо улыбаясь, однако улыбка исчезла с его лица, когда он увидел кувшин.

Кувшин тоже попытался исчезнуть. Он скользнул обратно на стол, да так поспешно, что какао расплескалось и забрызгало платье Гвендолен (трудно было сказать, случайность это или нет). Вначале и Джулия, и Роджер не смели пошевелиться, а потом Джулия принялась развязывать узел на носовом платке, причем с таким рвением, как если бы от этого зависела ее жизнь.

– Итак, я собирался пожелать вам доброго утра, – медленно произнес Крестоманси. – Но теперь я вижу, что оно вовсе не доброе. – Он перевел взгляд с кувшина на блестящие от джема щеки Джулии. – Если вы оба еще когда-нибудь захотите джема, – отчеканил он, – то лучше не попадайтесь мне на глаза. Кстати, требование вести себя прилично относится ко всем четверым.

– Я ничего дурного не сделала, – заявила Гвендолен с видом оскорбленной невинности.

– Нет, сделала! – возразил Роджер. Крестоманси подошел к столу и остановился, глядя на детей сверху и держа руки в карманах своего благородного одеяния. Волшебник казался таким высоким, что у Мура в голове не укладывалось, как это он не задевает головой потолок.

– В замке есть одно нерушимое правило, – сказал Крестоманси, – которое необходимо запомнить всем. Любые магические действия должны совершаться детьми только под руководством Майкла Сондерса. Гвендолен, ты меня поняла?

– Да, – ответила она. Вне себя от ярости, она сжала губы и скрестила руки на груди. – Я отказываюсь подчиняться этому дурацкому правилу!

Крестоманси то ли не расслышал ее слов, то ли не заметил, как она разгневана. Он обратился к Муру:

– А ты, Эрик, понял?

– Я? – удивленно переспросил мальчик. – Да, разумеется.

– Хорошо, – кивнул волшебник. – Теперь я пожелаю вам доброго утра.

– Доброе утро, папочка, – хором прошебетали Джулия и Роджер.

– Гм... Доброе утро, – робко пробормотал Мур.

Гвендолен сделала вид, что не слышит: в конце концов, в эту игру могут играть и двое. Крестоманси улыбнулся и важно удалился из комнаты, являя собой длинную процессию из одного человека.

– Ябеда! – крикнула Гвендолен Роджеру, как только дверь закрылась. – И эта гнусная проделка с кувшином! Небось вдвоем поработали?

Роджер благодушно улыбнулся, вовсе не реагируя на выпад Гвендолен.

– Колдовство у нас в роду, – пояснил он.

– И мы оба его унаследовали, – добавила Джулия. – Пойду умоюсь.

Она прихватила со стола три куса хлеба, чтобы не умереть от голода по дороге, и направилась к выходу, бросив через плечо:

– Роджер, скажи Майклу, что я скоро приду. – Еще какао? – вежливо предложил Роджер, взяв кувшин.

– Да, если можно, – откликнулся Мур.

Он не имел ничего против еды и питья, использованных в колдовских целях, к тому же его мучила жажда. Он надеялся, что если сначала набьет рот джемом, а потом отхлебнет какао, то напиток не покажется таким отвратительным. А Гвендолен все еще была уверена, что Роджер хочет оскорбить ее. Она нетерпеливо ерзала на стуле, упрямо уставившись в стену. Внезапно открылась дверь – Мур поначалу этого не заметил, – и прозвучал бодрый голос мистера Сондерса:

– Так, ребята, начинаем урок. Сейчас мы посмотрим, готовы ли вы к небольшой проверке.

Мур торопливо проглотил свой джем, пропитанный какао. За дверью обнаружилась классная комната – самая настоящая, хотя и всего с четырьмя партами. В ней были доска, глобус, щербатый школьный пол и даже знакомый запах школы. У стены стоял застекленный книжный шкаф, без которого не может обойтись ни одна классная комната, а в нем – потрепанные серо-зеленые и синие книжки, без которых не может обойтись ни один подобный шкаф. На стенах были развешаны большие фотографии статуй, так пленивших мистера Сондерса.

Две из четырех парт были старые, коричневые, а две другие – новые, желтые от лака. Гвендолен и Мур, не сговариваясь, сели за новые парты. Тут вбежала Джулия, сияя старательно вымытыми щеками, уселась за старую парту, стоящую за партой Роджера, и допрос начался. Мистер Сондерс неуклюже расхаживал взад и вперед у доски, задавая каверзные вопросы. Твидовый пиджак раздувался у него на спине точно так же, как это недавно происходило с его курткой на ветру. Возможно, именно поэтому длинные руки мистера Сондерса торчали из рукавов на целый фут. И вдруг Мур увидел, что костлявый указательный палец направлен на него.

– Какую роль сыграло колдовство в войнах Алой и Белой розы?³

– Э... – промычал мальчик. – Гм... Кажется, я этого еще не проходил.

– Гвендолен? – продолжил допрос мистер Сондерс.

³ *Войны Алой и Белой розы* – цепь гражданских войн (1455–1485), поводом для которых стало противостояние двух могущественных герцогских родов Ланкастеров и Йорков. Название этих войн объясняется тем, что на гербе дома Ланкастеров была алая роза, а на гербе Йорков – белая. Символическое объединение роз произошло в царствование Генриха VII (1485–1509), основателя династии Тюдоров.

– О... очень важную роль, – наугад выпалила она.

– Неверно. Роджер?

Из проверки стало ясно, что, хотя Роджер и Джулия порядком подрастеряли свои знания за время летних каникул, они все равно опережали Мура во многом, а Гвендолен – почти во всем.

– Что же ты изучала в школе? – в некотором раздражении спросил мистер Сондерс.

Гвендолен пожала плечами:

– Думаєте, я помню? Ничего интересного.

Я целиком посвящала себя колдовству, и, надеюсь, так будет и дальше.

– Боюсь, что нет, – возразил учитель. Гвендолен уставилась на него, не веря своим ушам.

– Что? – почти взвизгнула она. – Но... но ведь я очень талантлива! Я должна продолжать свои занятия!

– Твой талант никуда не денется, – урезонил ее мистер Сондерс. – Ты сможешь снова заняться колдовством, когда выучишь что-то еще. Открой свой учебник по арифметике и сделай первые четыре задачи. Эрик, а тебе, пожалуй, стоит заняться историей. Напиши-ка мне сочинение о короле Кнуте⁴.

Сказав это, учитель направился к Роджеру и Джулии.

Мур и Гвендолен открыли учебники. Гвендолен сначала покраснела, а потом побелела. Когда мистер Сондерс нагнулся к Роджеру, чернильница с ее парты взмыла в воздух и вылилась прямо на спину учителя, на его раздувающийся пиджак. Мур закусил губу, чтобы не засмеяться. Джулия молча наблюдала. Мистер Сондерс, по-видимому, ничего не заметил. Чернильница благополучно возвратилась на место.

– Гвендолен, – сказал учитель, не оборачиваясь, – достань, пожалуйста, банку с чернилами и воронку из нижнего ящика шкафа и наполни чернильницу. Да смотри хорошенько наполни.

С независимым видом Гвендолен вскочила из-за парты, нашла большую банку и воронку и принялась наполнять чернильницу. Прошло десять минут, а чернильница все еще не наполнилась. Сначала лицо Гвендолен было удивленным, потом покраснело, а потом побелело от злости. Она попыталась поставить банку на стол, но поняла, что это ей не удастся. Тогда она попробовала произнести заклинание.

Мистер Сондерс обернулся и внимательно посмотрел на Гвендолен.

– Вы невыносимы! – крикнула она. – И между прочим, я имею право колдовать в вашем присутствии.

– Ни у кого нет права поливать чернилами своего преподавателя, – бодро ответил мистер Сондерс. – Кроме того, как я уже сказал, тебе придется на время забыть о колдовстве. Продолжай наполнять чернильницу, пока я тебя не остановлю.

Гвендолен лила чернила еще примерно полчаса, и с каждой минутой ее негодование нарастало.

Мур был потрясен. Он заподозрил, что мистер Сондерс довольно могущественный волшебник. Конечно же, вскоре перед ним мелькнула безупречно чистая спина мистера Сондерса – от чернил не осталось и следа.

Мур то и дело поглядывал в сторону учителя, чтобы улучшить момент, когда можно будет писать левой рукой. Мальчика так часто наказывали за это в школе, что он научился обводить учителей вокруг пальца. Вот и сейчас, когда мистер Сондерс поворачивался к Муру, тот мгновенно переключал ручку в правую руку. Ручка двигалась медленно и неохотно. Зато когда

⁴ *Король Кнут* правил Англией в 1016–1035 гг. Первый датчанин на английском троне. Хотя он жестоко расправился с приверженцами предыдущего короля Эдмунда Железнобокого и многими знатными англосаксами, его правление считается относительно мирным и благополучным. Кнут принял один из первых сводов законов, был ценителем поэзии и музыки, а под конец жизни перешел в христианство и совершил паломничество в Рим.

учитель отворачивался, мальчик хватал ручку левой рукой и работа закипала. Главная трудность состояла в том, чтобы не размазать чернила левой рукой, поэтому Муру приходилось класть тетрадку косо. Но он очень ловко возвращал ее в прежнее положение, стоило только учителю посмотреть в его сторону.

Через полчаса мистер Сондерс, не оборачиваясь, велел Гвендолен закончить с чернилами и перейти к арифметике. Затем, по-прежнему стоя спиной к ученикам, он спросил Мура:

– Эрик, что ты делаешь?

– Пишу сочинение о короле Кнуте, – невинно ответил ученик.

Учитель повернулся к нему и увидел, что тетрадка лежит ровно, а ручка находится в правой руке.

– Мне показалось, ты пишешь обеими руками, – произнес мистер Сондерс, подходя ближе и заглядывая в тетрадь. – Да, ты действительно пишешь обеими руками.

– Это ведь незаметно, – съездившись, пробормотал Мур.

– Не очень, – согласился учитель. – Но зачем? Тебе нравится так писать или есть какое-то другое объяснение?

– Есть, – признался Мур. – Я левша.

Как и опасался Мур, мистер Сондерс пришел в дикую ярость. Он побагровел и с такой силой стукнул по парте своей огромной узловатой рукой, что мальчик подпрыгнул, а с ним и чернильница, расплескавшая чернила на одежду учителя и на сочинение Мура.

– Левша! – рявкнул мистер Сондерс. – Так почему же, будь ты неладен, ты не пишешь левой рукой?

Мура озадачило, что учитель рассердился на него именно по этой причине.

– Я... меня за это... наказывали, – запинаясь, ответил мальчик.

– В таком случае тех, кто тебя наказывал, следовало бы завязать в узел и зажарить на вертеле, кем бы они ни были! – прорычал мистер Сондерс. – Парень, ты хоть понимаешь, какой ужасный вред ты себе наносишь, слушаясь их? Если я еще раз увижу, что ты пишешь правой рукой, тебе на самом деле не поздоровится!

– Хорошо, – пискнул Мур, понемногу успокаиваясь.

Он печально взглянул на заляпанное чернилами сочинение. Может быть, мистер Сондерс применит свои магические способности и в этот раз? Но учитель схватил тетрадку и вырвал исписанную страницу.

– А теперь пиши как следует! – скомандовал он, бросая тетрадь перед Муром.

Мур послушно принялся за работу. К счастью, вскоре появилась Мэри и принесла молока и печенья, а также чашку кофе для мистера Сондерса. После перерыва учитель сообщил Муру и Гвендолен, что до обеда они свободны.

– Это вовсе не награда за хорошую работу, – добавил он. – Просто вам следует подышать воздухом.

Ребята направились к выходу, а учитель обратился к Роджеру и Джулии:

– А мы с вами немного позанимаемся колдовством. Надеюсь, вы не все позабыли за лето?

Гвендолен остановилась на пороге и поглядела на мистера Сондерса.

– Нет, к тебе это не относится, – сказал учитель. – Иди проветрись.

Резко развернувшись, Гвендолен выскочила из класса и через обшарпанную игровую комнату выбежала в коридор. Брат кинулся за ней вслед, но сумел догнать ее только у великолепной мраморной лестницы, завитком уходящей вниз. Над ней возвышался прекрасный купол, источающий свет.

– По-моему, мы заблудились, – выдохнул запыхавшийся Мур.

– Нет, мы там, где нужно, – горячо возразила сестра. – Я хочу разыскать Крестоманси. С какой стати этим толстоцекимым простофилям можно заниматься колдовством, а мне нет? Да

я в десять раз талантливей их, ведь они вдвоем насилу подняли в воздух кувшин с какао! Вот поэтому мне нужен Крестоманси.

Ей повезло: Крестоманси как раз шел по галерее с другой стороны лестницы, за мраморной балюстрадой. Теперь на нем был бежевый костюм, а не императорский шлафрок, но выглядел волшебник еще элегантней (если такое возможно). Судя по выражению лица, его мысли блуждали очень далеко. Гвендолен обежала кругом верхнюю площадку лестницы и остановилась перед Крестоманси. Он моргнул и посмотрел отсутствующим взглядом сначала на Гвендолен, потом на Мура.

– Кто-то из вас хотел со мной встретиться? – Да. Это я, – твердо сказала Гвендолен. – Мистер Сондерс отказывается давать мне уроки волшебства, и я хочу, чтобы вы его заставили.

– Ой, но я не могу, – рассеянно произнес Крестоманси. – Мне, конечно, жаль и все такое...

Гвендолен топнула ногой по мраморному полу. Раздался еле слышный шлепок – даже эха не получилось. Тогда Гвендолен завопила:

– Но почему?! Вы должны, должны, должны!

Крестоманси посмотрел на нее сверху вниз, разглядывая ее с таким удивлением, как будто они впервые встретились.

– Ты, кажется, недовольна, но, к сожалению, с этим ничего не поделать. Я сказал Майклу Сондерсу, чтобы он ни в коем случае не занимался колдовством ни с тобой, ни с твоим братом.

– Но почему? – в отчаянии закричала Гвендолен.

– Да потому, что ты непременно употребила бы полученные знания во зло, – объяснил волшебник тоном, не терпящим возражений. – Однако я готов вернуться к этому разговору, скажем, через год – если, конечно, ты не раздумаешь.

Крестоманси любезно улыбнулся Гвендолен, будто его ответ мог ее обрадовать, и задумчиво поплыл вниз по мраморным ступеням.

Гвендолен яростно пнула по балюстраде – и вскрикнула от боли. Тут уж она рассвирепела не на шутку – даже больше, чем мистер Сондерс из-за истории с левой рукой. Гвендолен кружилась, подпрыгивала и визжала так неистово, что Мур за нее испугался. Она потрясла кулаком вслед Крестоманси:

– Ну погодите! Я вам еще покажу!

Но волшебник давно исчез из виду на повороте лестницы и вряд ли что-либо слышал. Даже самые отчаянные вопли Гвендолен казались не громче цыплячьего писка.

Мур недоумевал: что же такое творится в замке? Он поглядел вверх, на купол, откуда шел свет, и подумал, что здешнему эху полагалось бы быть на редкость гулким. Однако в ответ неистовым воплям Гвендолен звучало лишь тихое писклявое кудахтанье. Придется подождать, пока сестра успокоится. Мур попробовал свистнуть изо всех сил, сунув два пальца в рот. Вместо оглушительного свиста раздался странный глухой звук вроде скрипа ботинка. Но и этого оказалось довольно, чтобы из двери на галерее вышла пожилая дама в перчатках.

– Ах, что за шумные детки! – вздохнула она. – Если хотите кричать и свистеть, идите на улицу, а здесь шуметь нельзя.

– Пошли отсюда! – свирепо скомандовала Гвендолен, и они побежали в знакомую часть замка.

Немного поблуждав по коридору, они обнаружили дверь, через которую попали сюда впервые. Наконец-то они выйдут на воздух!

– Давай разведем все вокруг, – предложил Мур.

Гвендолен неохотно согласилась. Проскочив заросли рододендронов, они оказались на большой и ровной лужайке, окруженной кедрами. Лужайка тянулась вдоль всего фа сада новой части замка, а с другой стороны она была огорожена замечательной стеной – высоченной и прямо-таки выбеленной солнцем. Над стеной нависали ветви деревьев. «Наверняка это разва-

лины еще одного, совсем древнего замка», – подумал Мур и со всех ног помчался ту да, увлекая за собой сестру. Однако Гвендолен упрямо остановилась на полпути и принялась ковырять носком туфли аккуратно подстриженный газон.

– Хм, а как по-твоему, это считается территорией замка? – спросила она Мура.

– Наверное, – не раздумывая, ответил Мур. – Ну, идем же. Мне охота полазить вон по тем развалинам.

Но первая стена, когда они к ней приблизились, оказалась совсем низкой, а дверь, обнаружившаяся в ней, вела в самый обыкновенный сад. Широкие прямые дорожки были посыпаны гравием и обсажены ровными рядами кустарника, подстриженные тисы напоминали пирамиды, а на прилизанных клумбах росли одни только желтые цветы.

– Вот скучища, – огорчился Мур и направился дальше.

За следующей, совсем уже невзрачной стеной начинался фруктовый сад, очень аккуратный и ухоженный. Всем деревьям здесь была придана прямоугольная форма, и они выстроились живой изгородью вдоль извилистых гравийных дорожек. Яблони гнулись под тяжестью плодов. Хорошо помня, как Крестоманси отчитал его, Мур даже не заглядывался на яблоки, зато Гвендолен сорвала большое красное яблоко сорта «вустер» и с наслаждением в него вгрызлась.

Из-за угла мигом появился садовник и с упреком сказал Гвендолен и Муру, что рвать яблоки запрещено.

Гвендолен тут же швырнула яблоко на дорожку.

– Ну и ешьте его сами. Оно все равно червивое.

Они отправились дальше, оставив садовника печально разглядывать надкушенное яблоко. Руин на их пути снова не оказалось, зато им встретился пруд с золотыми рыбками, а потом розовый сад. Здесь Гвендолен ради эксперимента решила сорвать цветок. В ту же секунду словно из-под земли возник еще один садовник и вежливо объяснил, что розы рвать запрещено. Гвендолен швырнула и розу.

Мура волновал один вопрос: куда все время деваются развалины? Он оглянулся: теперь они почему-то оказались у него за спиной. Он побежал назад, но они снова исчезли. Уже близился обед, когда он наконец оказался на узкой и крутой тропинке, спрятанной между двух стен и ведущей на холм, на вершине которого и находились руины.

Мур радостно кинулся вверх по тропинке. Выбеленная солнцем стена казалась выше любого дома, а еще на ней росли деревья. Подобравшись поближе, Мур обнаружил выбитую в стене каменную лестницу, извилистую и очень крутую. Лестница была такая старая, что вся поросла синим львиным зевом и золотистой желтофиолью, а на самой нижней ступеньке пестрела мальва. Муру даже пришлось отодвинуть длинный красный цветок, чтобы поставить ногу на лестницу.

В тот же миг он услышал, как кто-то пыхтит, и, обернувшись, увидел третьего садовника, торопливо взбирающегося по тропинке.

– Тебе туда нельзя! Там сад Крестоманси! – крикнул старик.

– Но почему мне туда нельзя? – не на шутку огорчился Мур.

– Да потому что вход туда воспрещен, вот почему!

Ничего не поделаешь, пришлось отступить. Садовник встал у подножия лестницы, чтобы убедиться, что Мур его не послушался.

– Свинство! – пробормотал Мур, медленно и неохотно спускаясь по тропе.

– Знаешь, мне порядком надоели все эти запреты Крестоманси, – задумчиво произнесла Гвендолен. – По-моему, нужно преподать ему хороший урок.

– Что ты собираешься делать? – встревожился Мур.

– Скоро узнаешь, – буркнула сестра и крепко сжала губы.

Выражение ее лица не предвещало ничего хорошего.

Глава пятая

Гвендолен отказалась посвятить Мура в свои намерения. Понятно, что веселее ему от этого не стало. После сытного обеда, состоявшего из вареной баранины с брюквой, снова начались уроки. Затем Гвендолен молниеносно скрылась, а Мура с собой не взяла. Он слонялся без дела.

– Хочешь поиграть с нами? – спросил Роджер.

Мур взглянул на него и понял, что его приглашают из вежливости.

– Нет, спасибо, – дружелюбно ответил он. Пришлось бродить по садам в одиночестве.

Поблизости находился лес, где в изобилии росли конские каштаны, но, увы, плоды еще не созрели. В нерешительности глядя на одно из деревьев, Мур обнаружил на нем домик примерно на полпути к верхушке. Да, пожалуй, на полпути. Он полез было туда, как вдруг услышал голоса и увидел, что в листве мелькнула юбка Джулии. Дело дрянь. Значит, этот домик – собственность Джулии и Роджера и они сейчас там играют.

Мур поплелся обратно. Выйдя на лужайку, он наткнулся на Гвендолен. Она сидела на корточках под кедром и сосредоточенно рыла ямку.

– Что это ты делаешь? – спросил Мур.

– Иди отсюда, – огрызнулась сестра.

Что ж, пришлось уйти восвояси. Мур не сомневался в том, что Гвендолен колдует и наверняка собирается «преподать Крестоманси урок», но задавать ей вопросы было бессмысленно. Оставалось только ждать. Время тянулось медленно; ужин оказался отвратительным, вечер – длинным и унылым. Гвендолен заперлась у себя в комнате и прогнала Мура, когда он к ней постучал.

На следующее утро Мур проснулся довольно рано и поспешил к ближайшему окну. Он сразу понял, чем накануне занималась Гвендолен. От лужайки почти ничего не осталось:

гладкий лоскут зеленого бархата был испещрен бесчисленными кротовыми норами. Повсюду, сколько хватало взгляда, торчали маленькие травяные и земляные холмики, тянулись длинные борозды выкопанной травы и полосы сырой земли. Казалось, что здесь хорошенько поработала целая армия кротов. Добрая дюжина садовников толпились возле лужайки, мрачно почесывая затылки.

Наспех одевшись, Мур скатился по лестнице. Гвендолен выглядывала из окна в своей хорошенькой ночной рубашке с оборками.

– Ты только посмотри! – обратилась она к брату, светясь от гордости. – Чудесно, правда? И тянется на много акров. Мне пришлось корпеть не один час, чтобы как следует все тут испорить. Крестоманси вынужден будет пошевелить мозгами.

Мур в этом не сомневался. Хотя он точно не знал, во сколько обойдется замена такой огромной полосы дерна, но предполагал, что это недешево. На сей раз Гвендолен действительно влипла в историю. Однако, к удивлению Мура, о лужайке никто даже не заикнулся. Юфимия вошла минуту спустя и сказала:

– Вы снова опоздаете на завтрак.

Роджер и Джулия вообще хранили молчание.

Они молча приняли джем и нож из рук Мура. Джулия только буркнула, когда умудрилась уронить вымазанный джемом ножик и на него налипла пыль. А когда пришел мистер Сондерс и начал занятия, никто ни на секунду не отвлекся от темы урока. Видимо, подумал Мур, обитатели замка не догадываются, что кротовьи норы – дело рук Гвендолен. Вряд ли они знают, какая она могущественная ведьма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.